

Таинственный перевал между Востоком и Западом

Россия - 1994 - 14-20 дек - с.12

- Существует понятие: загадочная славянская душа. Но есть феномен и загадочной грузинской души. Как вы думаете, почему Грузия так притягательна для мира?

- О, это немного философский вопрос. Я думаю, что всякая тайна небесами дана... И замечательно, что человек не в силах все разгадать. Почему вот здесь - горы, там - море, здесь - солнце, а вот тут - зима, например... Но для меня важно еще и то, почему у нас в Грузии три незнакомых человека садятся и могут сразу спеть на три голоса.

Как для вас, возможно, грузины, так для меня славяне выделяются особенно красивыми голосами. Почему может какой-то простой человек в деревне русской замечательным голосом петь?

- На первый взгляд - сходство.

- Но в этом и есть тайна - в различии. Наверное, из-за этого различия мы притягиваемся друг к другу. Я сама выросла на русской культуре. Для меня она так же притягательна. Я по крови не русская, но, знаете, иногда чужие любят больше, чем свои, как говорится. Так же и в Грузии... было: притягательность, обаяние, магнетизм какой-то. Когда у нас не было войны.

- Вы считаете, что теперь это не так?

- Нет, я думаю, что тот, кто любил Грузию, возможно, любит ее и сейчас. Я знаю, у многих душа за нас болит. Но все-таки, что же с нами произошло, для меня остается неразгаданным. Люди жили так мирно, прекрасно; все цвело, вдруг они стали врагами. Брат пошел на брата. Это, по-моему, что-то библейское... я не могу объяснить. Конечно, все надеются на лучшее. Душа наша так привыкла к праздникам. Но захочется ли сейчас приехать и увидеть Грузию искалеченной, в крови, как живое существо... Это все будет очень тяжело, и еще долго.

- А вы поете сейчас на родине?

- Если сказать точно, я уже почти год там не выступала. Потому что я не могу. Мне кажется, я не имею права. Эта страна маленькая. И когда в один день ты узнаешь о четырех-пяти смертях знакомых людей... С этим не может примирить искусство, к сожалению.

- У многих грузинских писателей встречается фраза: тяжело быть грузином. А каково сейчас быть грузинской женщиной?

- Я думаю, что сейчас наиболее тяжелый период для грузинских женщин. Еще начиная с прабабушек они жили в каком-то своем ритме, атмосфере. А сейчас, естественно, они оказались в жутчайшей ситуации. Четыре года в Грузии дети не учатся нормально. И вы представляете себе их матерей? А когда началась война, женщины стали вынуждены отправлять сыновей на войну. И при этом они умудряются сохранять свой очаг.

- Вероятно, это природное женское свойство...

- Я считаю, что женщиной вообще быть тяжело. А в стране, которая географически не очень определена, тем более. Не Азия и не Европа - смесь всего. Это сказывалось всегда на наших женщинах: на обычаях, на укладе жизни, на одежде; в отношениях с родителями, с детьми, с мужчинами; с любовью, со смертью, с ненавистью... Мы не можем быть до конца европейками, потому что это - Кавказ. Нас держат традиции. Я, правда, не старалась ни французенкой стать, ни американкой. Хотя я провела на Западе немалое количество времени. Но и азиатками мы никогда не были. Так как Грузия - не четко определенный Восток. У нас не было ни паранджи, ни чадры - ничего. И как-то в совокупности, может быть, генетически, была огромная связь с Россией. А лучшие наши женщины учились либо в Петербурге, либо в Париже...

- А это правда, что Дюма-отец назвал Тбилиси маленьким Парижем?

- Во всяком случае так говорят. С тех пор так и пошло: Тбилиси - маленький Париж. Но уже двадцатый век, и хочется раскрепоститься, все уже идет как-то в ногу со временем... Все считали, что в бывшем Союзе Грузия - одна из лучших республик. И женщины там - одни из самых благоустроенных. А наше дело было это мнение поддерживать.

- Значит, вы покорны обстоятельствам?

- Не сказала бы. Два начала борются в нас. Нам предписано быть покорными, но мы не хотим себя потерять, хотим свое лицо иметь.

Мы не знаем, где она:
то ли в Тбилиси,
то ли в Москве,
то ли в Париже.

В какой-то степени
она для зрителей загадка.

Свою жизнерадостность
она естественно сочетает
с трагическими песнями,
что в крови грузинского
искусства.

В представлении русского
зрителя она воплощает
образ грузинской
женщины, грузинской
актрисы.

Она одинаково любима
езде. Ведь, как сказал
великий Григорий Робакидзе
- мастер слова

и остро отточенной мысли:
«Грузия есть таинственный
перевал между Востоком
и Западом».

В преодолении которого
горы оказываются
или непреодолимым
препятствием,
или площадкой для
взлета. Смотри с какой
высоты посмотреть.

Впрочем, тайна звука,
как и тайна слова,
поднимает ввысь.

С Тамарой ГВЕРДЦТЕЛИ
беседует
Ольга ДУБИНСКАЯ.

Считается, что грузинка должна быть такая: с черными волосами, белолицая и обязательно должна быть одета в черное - уже выработан такой идеал.

- Грузинский мужчина охраняет этот женский имидж? И вам наверняка приходилось бунтовать и слышать замечания?

- Да-да-да! «Так нельзя, вот так нельзя, и так тоже нельзя». Но ведь и так не хочется - это уже два века назад. Да? Это что касается одежды.

- И как вы поступали?

- Мы брали французский толк. Закрывали черным - вот так, остальное - толк. Оставляли немножко тайны: как говорится, все должно быть открыто, но что-то прикрыто... Это закон французской моды. Но это лишь деталь. В грузинской женщине чувствуется какая-то борьба. И с мужчинами тоже. Потому что у грузин как: глаза на Запад, а дома они должны хранить свое... Безусловно, в грузинке есть сила и есть то, что выработано историей. Все-таки была царица Тамара, и грузинский Ренессанс связан с этой женщиной.

- А как хорошо вы знаете свои корни?

- Что касается моего отца, он из прекрасной фамилии Гвердцители - это дворянский род. Моя прабабушка Мария Ильинична училась в Париже и знала пять языков. Я ее помню, потому что она дожила до 94 лет. А бабушка со стороны отца - музыкант. Дедушка учился в Петербурге в кадетском корпусе, потом он стал военным врачом и долгое время работал в Сухуми. А моя мама - из Одессы, она - еврейка. И, может быть, мой певческий талант связан с моим прадедом по маме. Он был в Одессе раввином. А вы знаете, что раввины все прекрасно поют. Им, кроме всего прочего, требуется вокальный дар. Мама рассказывала про своего дедушку: после первой мировой войны он с семьей бежал из Германии в Одессу. Там они остались, но в 41-м году, когда немец подходил к Одессе, стало понятно, что снова надо бежать. И вот так они случайно попали в Грузию. И случайно там остались. И случайно моя мама вышла замуж за моего отца. Так что я несу в себе любовь грузинского народа к еврейскому... Необязательно жить в Изра-

иле и там делать шабат-шалом, чтобы ощущать эту любовь.

- Ваша мама подчинилась традициям отца?

- В какой-то степени. Мой отец не такой уж ортодокс. Он, естественно, православный, христианин, как и все грузины. Но он интеллигентный человек, и они интеллигентно обходили все углы. Моя мама совершенно чисто говорит по-грузински - ведь ей было три года, когда она попала в Грузию. Люди их замечательно приняли. В Грузии, вы знаете, никогда не было антисемитизма.

- А вы сознательно ориентируетесь в своем пении на грузинскую певческую традицию или это само проявляется?

- Конечно, я выросла на грузинской народной музыке. Природа - она в нас. Ее никто у нас не может отнять. Хотя у меня классическое образование - я два раза заканчивала консерваторию - и как пианист, и как композитор, но, что бы я ни пела - французское, немецкое или американское - я знаю, моя интонация обязательно прорвется.

- Как складывается ваша жизнь теперь - после того, как вы уехали из Тбилиси?

- Я работаю в Париже месяца полтора-два, потом я приезжаю в Москву. Потом опять уезжаю. А еще появилась Америка - я была там два месяца.

- В каких городах вы выступали, какая была аудитория?

- В больших городах: Нью-Йорк - два концерта, Чикаго, Филадельфия, Бостон, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Диего. Все - в театральных залах. Было очень много американцев. Естественно, была и публика, которая меня любит, - это бывшие наши. Они меня не забыли, и это очень приятно. Зритель есть зритель.

- У вас никогда не было мысли обратиться к театру?

- У меня была эта мысль, и до сих пор я храню ее в глубине души. Я чувствую, что с годами я все больше тянусь к искусству театра. Да не только я, сейчас многие артисты эстрады называют свои представления спектаклем. Есть потребность обратиться к законам драматического жанра. Для меня важен каждый жест, место, где я пою. Это ведь уже

законы театра, мизансцены. Не так ли?

- А были ли конкретные предложения?

- Мы работали над постановкой Жанны Д'Арк. Я играла главную роль. А роль жениха Жанны Д'Арк исполнял Саша Малинин. Мы записали альбом. Записывали на Украине, в Киеве. Но тогда распался Советский Союз, и все деньги, которые были на наш проект брошены, стали просто никакими. И в результате ничего не состоялось. Жаль.

- Грузины часто сравнивают Жанну Д'Арк со святой Нино - просветительницей Грузии.

- Да, действительно. Это целая история. У всех народов есть свои герои. Но мы пытались показать Жанну Д'Арк с человеческой точки зрения. Интересно, что мы не хотели открыто показывать ее выбор между женщиной и героиней, как было у Бернарда Шоу, например. Но сейчас я все-таки собираюсь делать мюзикл Жанны Д'Арк. Я все время возвращаюсь к мысли о театре.

- У вас есть проблемы с концертным репертуаром?

- Конечно, есть. Когда все перешло на рельсы коммерции, любая песня стала стоить очень кругленькую сумму. А я хочу петь только на хорошие стихи. И должна быть та музыка, которую я люблю, в которую я верю, и которую только я могу интерпретировать и исполнять. И, главное, это должна быть красивая музыка. Ведь музыка - это то, что нас отрывает от быта, от серости, от того, что творится вокруг нас. Найти свой репертуар тяжело, и приходится долго над этим думать.

- Вы поэтому пишете для себя сами?

- И поэтому тоже.

- Сотрудничаете ли вы теперь с тбилискими композиторами? Или война разорвала все связи?

- Мы сотрудничаем сейчас с Ваха Азарашвили, как всегда. Он написал прекрасную балладу, но очень трагическую. Люди, наверное, в столь тяжелое время не могут писать увеселительные произведения. Эта баллада про Медею. Видите, все какие исторические героини у нас. Медея очень сложная героиня. Отрицательная. В моей песне Медея просит возвращения на родину, потому что ее грехи может простить только роди-

на. По сюжету она поворачивается спиной к Греции, к своему любимому Язону, который ей уже изменил, и к своим мертвым детям. Эта женщина стоит на грани помешательства. Мы пока только посмотрели, прикинули - возможно, получится моноопера.

- Драматическое пение предполагает равноправное соотношение слов и музыки. Стихи каких поэтов вам наиболее близки?

- Недавно я написала балладу на стихи Цветаевой. Я ее уже исполняла. У меня есть цикл песен на стихи Галактиона Табидзе. Я его люблю безумно. Это имя хорошо известно в России. Вот вы упомянули Григория Робакидзе - это все люди одной плеяды. И происхождение, и талант, и европейское образование, и весь опыт человечества - все объединили в себе эти люди. У меня есть одна баллада на стихи Мандельштама. Сейчас в Париже мы начинаем над ней работать. Баллада на русском языке - музыка все скажет сама за себя. Мне было важно сохранить силу слова Мандельштама. Эта сила в каждом звуке. Хотя звуковое прочтение очень сложно.

- Это проект, связанный с Леграном?

- Да. Легран тоже там принимает участие.

- Легран, Париж, Франция... Вы поете песни Эдит Пиаф... Как давно у вас это увлечение?

- Это с детства. Я много слушала на пластинках Шарля Азнавура, еще молодого Леграна, Эдит Пиаф. Я это повторяла. Но у меня как-то не получалось подражание. И, может, это меня спасло. У меня и сейчас нет подражания голосу Пиаф. Это просто возвышение ее как актрисы, певицы. Я хочу, чтобы ее песни жили. Потому что, если их не будут петь, они умрут. Нынешние пятнадцатилетние практически ведь ничего не знают, кроме «Эйс оф бейз» и тому подобного...

- А для своего сына вы планируете будущее музыканта или он за себя решает сам?

- О-о-о! Он довольно-таки сильный товарищ. Ему восемь, но в нем уже чувствуется характер. Он говорит: музыкантом я не хочу быть, потому что меня будут сравнивать с тобой. Я, говорит, хочу стать режиссером, чтобы тебе делать клипы бесплатно. Ведь он все время слышит: «Этот клип снимал такой-то, а этот клип стоит столько-то». Слышит какие-то безумные суммы в долларах. Дети же - они, как губки, все впитывают и потом уже выдают информацию. Когда он это сказал, я так и застыла на месте. Он учится в музыкальной школе, чтобы быть цивилизованным, нормальным человеком, отличать Баха от Моцарта. Хотя он, знаете ли, очень хорошо поет, у него такой серебряный голосок. Но чтобы он спел, надо очень попросить его. И все время говорит: мне уже неловко петь, я уже слишком взрослый мальчик. Он считает, что у него какой-то свой путь.

- Все же вы предполагаете какое-то выступление на родине?

- Я хочу через какое-то время выйти с программой. Но точно не могу сказать, когда. Надо будет что-то придумать. Конечно, ходить по ранам, по каждой кровинке ходить - очень тяжело. Потому что, как говорится, в доме повешенного не говорят о веревке.

- Многие определяют чувство меры?

- Да, наверное. Дарить людям плач - это не миссия артиста, мне кажется. Но и взбадривать - глупо. Очень сложная ситуация для выражения своих чувств. Это должен быть художник уровня Роберта Струа. Театр при любом душевном состоянии народа способен выражать чувства этого народа. Это есть законы жизни и законы театра. И есть возможность найти точки их соприкосновения в классике. Я знаю, наши артисты, зимой, в пальто и шубах, при свечах, учили роли и ставили Шекспира. Они уже своим искусством отвечают за нацию. Потому что весь генофонд невозможно уничтожить. А такие люди, как Струа, этот генофонд сохраняют. И тогда можно надеяться, что у народа что-то исправится.

На фото:
Тамара Гвердцители сменила
имидж. Ее душой завладела
Чио-Чио-Сан - бабочка-мотылек
из китайской оперы.